

Самым ранним археологическим собранием в России фактически является так называемая Сибирская коллекция Петра I — около двухсот сорока уникальных золотых художественных изделий, относящихся к культуре древних кочевников Евразии и хранящихся в Эрмитаже

Е. Ф. КОРОЛЬКОВА

Одна из пары золотых поясных пластин со сценой под деревом, поступивших во второй посылке князя Гагарина, отправленной 12 декабря 1716 г. Предположительно поясная застёжка может датироваться V—III вв. до н. э.

ФОТО В. С. ТЕРЕБЕНИНА И А. В. ТЕРЕБЕНИНА

КОРОЛЬКОВА Елена Федоровна — кандидат искусствоведения, заведующая сектором Юга Евразии отдела археологии Восточной Европы и Сибири в Государственном Эрмитаже. Автор научных и научно-популярных трудов по скифской культуре, в том числе евразийскому звериному стилю скифской эпохи

В примечательной истории этой знаменитой археологической коллекции отразился дух петровской эпохи — времени коренных преобразований в России, затронувших все стороны государственной и частной жизни. Радикальные изменения произошли не только в экономическом укладе, но и в умах людей, пробудив в них исследовательский дух и интерес к окружающему миру.

В России Петра I, стремительно превращающейся в империю, поощрялись исследования географии и истории народов, ее населяющих. Не последнюю роль в этом сыграла и выдающаяся личность самого Петра I, пылкий ум которого не знал усталости, а круг интересов был поистине безграничен. Великий государственный деятель и преобразователь был не просто любознательным собирателем диковин: его коллекции по самым разным отраслям знания легли в основу Кунсткамеры — первого российского музея, созданного по инициативе Петра I в 1714 г.

Ему же принадлежит честь создания первого собрания археологических древностей, за которым уже в XIX в. закрепилось название «Сибирская коллекция Петра I». О его особом отношении к коллекции можно судить хотя бы по тому, что до конца его жизни она оставалась во дворце. После смерти Петра и его жены Екатерины I Верховный тайный совет и Академия

Воины-кочевники сакского времени. Реконструкция автора

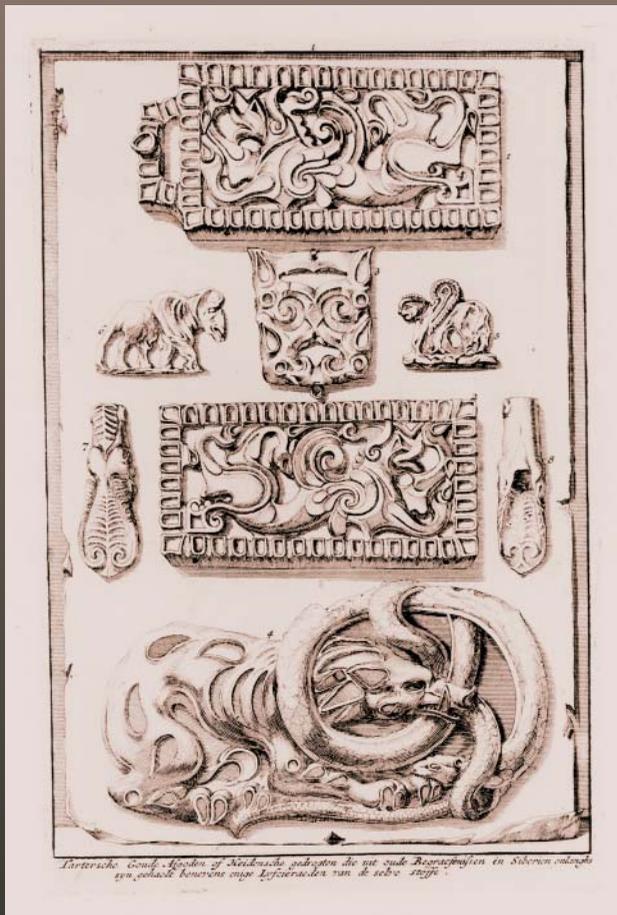

Карта территории вероятной локализации погребальных памятников, раскопанных буровщиками в первой четверти XVIII века

О «Сибирской коллекции» Петра I Золото кочевников

Поясная пластинка-застежка.
III—II вв. до н.э.
Золото, бирюза

наук были обеспокоены возможным разделом собрания древнего золота между наследниками. Поэтому хранитель коллекции гоф-интендант П. И. Мошков составил опись предметов, по которой 22 декабря 1727 г. коллекция и была принята в Кунсткамеру. Этот рукописный список долгое время оставался единственным документом, проливающим слабый свет на происхождение предметов из коллекции, поскольку сопроводительные письма и описи затерялись среди прочих бумаг петровской эпохи.

В 1859 г. при императоре Александре II собрание было перевезено в Зимний дворец и передано в Эрмитаж. В конце XIX в. археолог А. А. Спицын обнаружил в архиве Петра I несколько интересных документов, касающихся коллекции, поступившей из Кунсткамеры. Впоследствии как самой коллекции, так и ее истории были посвящены труды многих отечественных ученых: В. В. Радлова, И. И. Толстого, Н. С. Кондакова, С. И. Руденко и многих других.

«Сибирское золото» из коллекции Н. Витсена. На гравюре изображена поясная бляха со сценой схватки волка со змеей, парная бляхе из коллекции Петра I. Гравюра опубликована в книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» в издании 1785 г.

Охотники за сокровищами «татарских могил»

Древнее золото, попавшее на хранение в Кунсткамеру, а затем в Эрмитаж, уже в XVIII в. стало загадкой. Предметы, в эту коллекцию входящие, не только принадлежат разным археологическим памятникам, но, несомненно, и созданы в разное время: начиная примерно с VII в. до н.э. и заканчивая II в. н.э. Это была эпоха, когда в Сибири обитали кочевники, хоронившие своих умерших соплеменников на родовых кладбищах. Случайные находки золотых вещей в древних могилах, сделанные в XVII—XVIII вв. — в период освоения Сибири русскими — породили множество слухов о несметных сокровищах.

Возможность легкой наживы притягивала кладоискателей: могильники племенной знати с дорогими золотыми изделиями стали источником весьма прибыльного промысла. Воеводы Томска и Красноярска снаряжали целые отряды «бугровщиков», добыча которых бывала подчас очень богатой. («Буграми»

Миниатюрная фигурка конного лучника. V—III вв. до н.э. Приобретена немецким ученым Г. Ф. Миллером, участником Второй Камчатской экспедиции. Золото

или «татарскими могилами» в то время называли курганы древних кочевников.) Эти экспедиции имели двойственный характер: с одной стороны, перед ними ставилась государственная задача освоения Сибири, составления карт и поисков месторождений золота (в числе которых рассматривались и древние курганы!). С другой стороны, участники этих небезопасных рейдов получали возможность нажиться за счет варварских раскопок богатых захоронений.

Артели «бугровщиков» до 200—300 человек вели настоящий сезонный промысел, раскапывая могилы с весны до осени. Найденные вещи продавались на рынках крупных сибирских городов. Масштабы разграбления сибирских курганов, очевидно, были столь велики, что о могильных находках стало известно в Москве уже в XVII в.

Одно из самых ранних документальных свидетельств о находках сибирского «могильного» золота было обна-

ружено в 1708 г. в Сибирской губернской канцелярии. Это копия донесения царю Алексею Михайловичу, датированного 1670 г., о том, что в Тобольском уезде «русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду». Подобная информация вызывала у государственных структур интерес к выявлению источника, откуда могло поступать «могильное золото». Уже из ранних документов с упоминанием ценных находок было ясно, что речь идет об обширной территории, включающей Сибирь, Урал и частично Среднюю Азию.

Коллекция Витсена

Одним из первых высокую художественную и историческую ценность сибирских древностей оценил голландский ученый Николаас Витсен. Приехав в 1664 г. в составе нидерландского посольства в Россию, он провел здесь год, собирая географические, лингвистические и этнографические сведения. Покинув страну, Витсен продолжал поддерживать переписку с русскими корреспондентами, в течение 28 лет собирая материал для своего фундаментального труда — книги о России «Северная и Восточная Тартария».

С помощью своих агентов в России Витсен скупал ценные находки из древних захоронений, приобретая также бронзовые и железные изделия, обычно выбрасываемые бугровщиками. Ученый обратил внимание на несоответствие убогой жизни сибирского коренного населения и широкого распространения на этих территориях в древности драгоценных высокохудожественных изделий: «Каковы же тогда были те цивилизованные люди, которые хоронили эти редкости! Отделка золотых предметов так искусна и толкова, что я сомневаюсь, чтобы в Европе можно было исполнить ее лучше».

В своей книге ученый упоминает и серебряную чашу, полученную им в подарок от боярина Ф. А. Головина. Чаша досталась самому Головину, когда тот ехал с посольством через Сибирь на переговоры с китайцами. В месте впадения Иртыша в Обь в подмытом берегу обнаружилось древнее захоронение, в котором находились серебряные браслеты и чаша. Этот сосуд был запечатлен и на одной из графических таблиц работы голландского рисовальщика, созданных по заказу Витсена и сохранивших облик собранных им раритетов.

Попытка Петра I приобрести коллекцию после смерти Витсена не увенчалась успехом: вещи были проданы с аукциона и дальнейшая судьба их неизвестна. Однако в XIX в. исследователи обнаружили разительное сходство некоторых предметов, изображенных на таблицах Витсена, с вещами из коллекции Петра I, переданными в Эрмитаж. Однако ни одного полного совпадения обнаружить не удалось. Тем не менее некоторые из предметов, такие как поясные пластины или височные подвески, по-видимому, составляли пары.

Например, поясная пластина с таблицы Витсена, на которой изображен волк, борющийся со змеей, составляет пару пластине (с аналогичной сценой) из коллекции Петра I: нет сомнения, что они были найдены в одном кургане. Эту вещь, судя по письмам, Витсен приобрел в 1714 г. Вероятно, парная пластина могла попасть в руки Петра I примерно в то же время. Русский царь был знаком с Витсеном, который пользовался его большим уважением и имел на него несомненное влияние.

Есть версия, что значительная часть предметов петровской коллекции была подарком уральского заводчика Демидова Екатерине I по случаю рождения царевича в 1715 г. Она основывается на упоминании И. И. Голицыным в его труде, посвященном Петру I, следующего обстоятельства: «В один приезд г-на Демидова в Петербург родился монарху сын царевич Петр Петрович. И когда знатные особы при поздравлении монархине по древнему обычаю подносили приличные дары, то он, пользуясь сим случаем, поднес Ее же величеству богатые золотые бугровые сибирские вещи и сто тысяч рублей денег, сумма по-тогдашнему времени знатная». Однако автор не указал даже инициалов Демидова, отсутствует также описание подаренных предметов, что полностью исключает возможность какого бы то ни было их отождествления.

Золото для казны государевой

Основным поставщиком золотых археологических вещей для государя стал сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин — богатый вельможа и заметный человек в ближайшем окружении Петра. Большая часть предметов Сибирской коллекции была собрана именно в Тобольске — тогдашней столице Сибирской губернии, а затем согласно распоряжению царя отослана в Петербург несколькими партиями.

В записях Далматовского Успенского монастыря имеется свидетельство, что уже в 1712 г. воевода князь Мещерский по распоряжению князя Гагарина посылал людей «для прииску при вспоможении бобылей монастырских золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей для казны государевой...». В царском указе от 13 февраля 1718 г. повелевалось собирать все, «что зело старо и необыкновенно» и обещалось вознаграждение за найденные в земле или воде старые вещи.

В задачу губернатора входил также сбор информации о возможных источниках получения золота. Архивные документы, касающиеся этой темы, скудны, поскольку все, что касалось находок золота и могло стать ориентиром в поисках месторождений драгоценных металлов, хранилось в глубокой тайне, включая, очевидно, и координаты раскопок бугровщиков.

В 1721 г. князь Гагарин, фактический наместник царя в Сибири, был повешен «за злоупотребление власти

Гриф, терзающий горного козла. IV—III вв. до н. э. Назначение этого украшения не вполне ясно. Чаще всего его называют эгретом, предполагая, что оно служило завершением головного убора. Однако вполне вероятно, что эта фигурная бляха могла быть декором парадного конского убора

Золотая бляха в виде свернувшейся пантеры. Возможно, служила украшением конской сбруи или костюма. VII—VI вв. до н. э. Золото

и упорство в скрытии пособников» по доносу обер-фискала Алексея Нестерова, возглавлявшего созданную по указу Петра службу надзора за всеми должностными лицами. Нестерову вменялось в обязанности «над всеми делами тайно надсматривать и прове́дывать про неправый суд, також — в сборе казны и прочего», что он и выполнял с таким усердием, что многие видные государственные деятели, в том числе и сенаторы, уличенные во взяточничестве и казнокрадстве, заплатились жизнью за должностные злоупотребления.

Следствие вскрыло и многие другие преступления князя Гагарина. Полное признание вины и слишком позднее покаяние не помогли: бывший сибирский губернатор был повешен перед зданием Юстиц-коллегии в присутствии царя, сановников и своих несчастных родственников, причем в назидание казненный был повешен вторично спустя несколько дней и выставлен на публичное обозрение. В своем дневнике Берхгольц оставил запись о том, что «тело этого князя Гагарина для большего устрашения будет повешено в третий раз по ту сторону реки и потом отошлется в Сибирь, где должно сгнить на виселице».

Пятнадцать фунтов раритетов из «земли древних поклаж»

Посылки князя Гагарина можно считать самым ранним вкладом в Сибирскую коллекцию. Первая из них содержала всего 10 предметов, которые, согласно архивной ведомости, были рассмотрены государем и переданы Мошкову на хранение. Вторая посылка, посланная из Тобольска, включала уже 122 предмета — ничего более значительного по составу вещей ни до, ни после из Сибири не поступало. Посылка была доставлена в Петербург в отсутствие Петра I, поэтому вещи принял П. И. Мошков. В сопроводительном письме Гагарин писал царю: «Всемиловитейший государь, повеление мне Вашего величества, дабы приискать старых вещей, которые сыскивают в земле древних поклаж. И по тому величества Вашего повелению колико мог оных сыскать золотых вещей, послал ныне до величества Вашего при сем письме. А о силе, государь, их и какие вещи и которая какие ваги, тому, великий государь, ведение приложено при сем письме. Величества Вашего последний раб Матвей Гагарин. Из Тобольска 1716 декабря дня 12».

К письму была приложена опись с указанием веса вещей, позволившая отождествить присланные предметы с предметами из эрмитажной коллекции. Последними в описи значились «мелких золотых вещей двадцать штук послано великому государю царевичу Петру Петровичу, которые сысканы при тех же вышеозначенных вещах». Эти двадцать предметов, адресованные малолетнему наследнику, до сих пор не удалось опознать в

ныне существующем собрании, однако именно они дали, по-видимому, основание для версии «дара Демидова».

Еще в одном документе, датированном октябрём 1717 г., упомянуто об отправке третьей партии сибирских находок, включающей 60 золотых и 2 серебряных изделия. Однако отождествить эти вещи из-за путаницы в архивных бумагах трудно. В этом смысле представляет большой интерес еще один документ Тюменской воеводной канцелярии, хранящийся в госархиве Тюменской области в Тобольске, который свидетельствует о розыске найденных и проданных «татарами» золотых и серебряных «могильных вещей», проведенном князем Гагариным во исполнение «именного его царского величества» указа. В документе был указан вес разыскиваемых вещей — 15 фунтов, что совпадает с весом драгоценностей из третьей посылки Гагарина. Возможно, она как раз и состояла из тех самых разысканных «бугровых» находок.

«Гробокопателей смертью казнить...»

Блеск золота не заслонил для Петра I высочайший художественный уровень и исключительную научную ценность сибирских находок. Благодаря этому древнее золото не исчезло в плавильных печах, превратившись в звонкие монеты, а дошло до наших дней в составе уникальной коллекции. Археологические древности Сибири интересовали Петра Великого еще по одной причине: его привлекала идея составить полную летопись России и населявших ее народов. Сибирское золото, как и другие «ветхости или старые вещи, монеты всех владетелей и царей», могло «украсить древнюю историю». Этому проекту не суждено было воплотиться из-за безвременной смерти государя.

Сведения об удивительных находках в Сибири, дошедшие до столицы, и несколько посылок сибирского губернатора с вещами редкой красоты заставили Петра обратить внимание на расхищение археологических ценностей и издать несколько указов — по существу, первых указов об охране памятников старины. Кроме распоряжения об обязательной пересылке всех находок в Санкт-Петербург и передаче их в казну, царские указы содержали предписания о наказании грабителей, что «сыскивают золотые стремена и чашки», — повелевая «гробокопателей смертью казнить, ежели пойманы будут». Дальновидный царь, стремившийся сохранить не только сами вещи, но и достоверную научную информацию о них, требовал «всему делать чертежи, как что найдут».

Последнее распоряжение, очевидно, оказалось невыполнимым, судя по отсутствию архивных данных о точном месте и обстоятельствах обнаружения вещей из Сибирской коллекции. Однако нельзя не отметить

попытку организовать научные изыскания в Сибири, предпринятую Петром в 1716 г. после посещения музея естественной истории доктора Брейна в Данциге. Царь попросил ученого порекомендовать кого-либо из коллег, кому можно было бы поручить исследовательскую работу и сбор научного материала в России. Брейн посоветовал обратиться к доктору медицины Даниилу Готтлибу Мессершмидту, обладавшему глубокими познаниями

и цветы и древние вещи могильные и все вышеобъявленное, чтобы приносили и объявляли мне, и буде тех вещей явится что потребное, и за те могильные вещи дана будет плата немалая».

В целом же экспедиции Мессершмидта за семь лет «не удалось добыть ничего курьезного», что, впрочем, могло объясняться чрезмерной бережливостью ученого: он упорно торговался с находчиками «бугровых»

в области истории, географии, ботаники и других наук. Мессершмидт был приглашен в Петербург, где заключил контракт, предполагавший поездку в Сибирь для «физического ее описания» и «изыскания всяких раритетов». В донесении, датированном 18 апреля 1721 г., ученый писал: «...По указу Царского Величества велено мне в Сибирской губернии и во всех городах приискывать потребных трав и цветов, коренья и всякой птицы и прочее, также могильных всяких древних вещей, шайтаны медные и железные и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала под письмом, и велено о том в городах и в уездах публиковать в народ указом и буде кто такие травы и коренья

Одна из пары золотых поясных блях с изображением охоты всадника на кабана. Украшена вставками из синего непрозрачного стекла и коралла. III—II вв. до н.э.

вещей, оценивая древности в основном по весу металла, а не исходя из их художественных достоинств. Отмечая малочисленность достойных внимания находок, Мессершмидт пришел к выводу, что ко времени его экспедиции все богатые курганы, содержавшие золото, были уже разграблены.

Чтобы удостовериться в этом, в 1722 г. Мессершмидт раскопал несколько древних погребений. В разрытой близ Абаканского острога могиле путешественники ничего ценного не обнаружили, однако Мессершмидт

набросал небольшой эскиз погребения. Таким образом экспедицией была предпринята, по существу, первая в России попытка проведения археологических раскопок с научными целями. Раскопки других сибирских погребений также не принесли желаемого результата: золота в них не было.

Нет сомнения, что после тобольских посылок Гагарина поступления сибирских древностей в Петербург стали единичными, хотя некоторые из предметов Сибирской коллекции, очевидно, попали туда уже после смерти Петра. Массовый промысел бугровщиков в Сибири прекратился, чему способствовали и правительственные запреты: так, в 1727 г. вышел сенатский указ, по которому «бугрование в степи под жестоким наказанием чинить запрещено», причем это было сделано не из соображений сохранности древних памятников, а потому, что местные жители нередко убивали нарушителей покоя предков.

Последние поступления

И все-таки — что мы можем сказать сегодня о месте и обстоятельствах находок предметов Сибирской коллекции Петра Первого? Возможно, что большинство их происходит из древних памятников приалтайских степей, расположенных между Обью и Иртышом.

Тобольские бугровщики двигались в поисках золотосодержащих курганов по рекам, в том числе вверх по Исети и переходили через Урал. Так, в 1718 г. раскопщики сдали в казну мелкие золотые и серебряные предметы, обнаруженные на Южном Урале, близ Уфы, которые затем пополнили Сибирскую коллекцию.

В коллекции мы находим и много богато орнаментированных бирюзой вещей, близких по стилю к изделиям из сарматских памятников нижнего Поволжья и нижнего Дона. Причина этого сходства может заключаться не только в генетическом родстве между номадами Южной Сибири и сарматскими племенами, заселившими территории западнее Волги в начале нашей эры. В коллекцию могли попасть находки из Поволжья, причем это не было отражено в документах. Например, в сочинении Вебера «Das Veränderte Russland» (1721—1739 гг.) упоминаются древности, найденные в петровскую эпоху между Волгой и Уралом и присланные затем в Петербург.

«Отцом сибирской истории» часто называют немецкого ученого Г. Ф. Миллера, собравшего бесценный материал по истории, этнографии и географии Сибири. Участвуя в сибирской экспедиции В. Беринга в 1733—1743 гг., Миллер собрал коллекцию древностей, которая в 1748 г.

была приобретена Академией наук для Кунсткамеры и также вошла в Сибирскую коллекцию Петра I.

В числе особенно примечательных приобретений Миллера — литая миниатюрная золотая фигурка скачущего лучника, купленная им на Кольваново-Воскресенском заводе в 1734 г. Во времена Миллера каких-либо значительных находок могильного золота уже не было, поэтому путешественникам удалось приобрести художественные изделия в основном из бронзы. В 1764 г. Миллер писал: «Еще много людей застал я в Сибири, кормившихся прежде такою работою; но в мое время никто больше на сей промысел не ходил, потому что все могилы, в коих сокровища найти надежду имели, были уже разрыты».

Несмотря на усилия исследователей, происхождение многих предметов из первого археологического собрания России — Сибирской коллекции Петра I — остается до сих пор загадкой. Однако от этого коллекция, будучи уникальным собранием высокохудожественных изделий древних кочевников Сибири и народов, с ними соприкасавшихся, не утратила своей огромной научной ценности. Для некоторых из вещей — с явными иранскими корнями — обнаружены близкие аналоги среди сокровищ знаменитого Амударьинского клада, хранящегося в Британском музее.

Вобрав в себя редчайшие образцы искусства разных времен и с разных территорий, Сибирская коллекция стала для России неповторимым памятником культуры первой четверти XVIII в. А у специалистов осталось еще много возможностей, чтобы точно выяснить, какой народ и в какое время создал уникальные изделия, ее составляющие.

Присланная М. П. Гагариным в первой партии сибирского «могильного золота» парная поясная пластина с изображением схватки тигра с фантастическим рогатым хищником. V—IV вв. до н.э.

Золотая гривна — шейное украшение из полых трубок, между которыми расположены два орнаментальных ряда из круглых и ромбических гнезд, заполненных вставками из бирюзы, лазурита и стеклянной пасты. На верхней трубке — четыре фигурки симметрично лежащих тигров. IV—II вв. до н.э.

Автор и редакция журнала благодарят директора Государственного Эрмитажа чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровского за предоставленную возможность опубликовать материалы из музейных коллекций Государственного Эрмитажа

Поясная пластина (внизу в центре) с изображением драконов и древа жизни. II—I вв. до н.э. Золото, сердолик, стекло

Золотая чаша с двумя ручками в виде фигурок барсов. Подобные сосуды изображены на рельефах дворца в Персеполе — столице персидской державы эпохи Ахеменидов. Предположительно IV в. до н.э.

Гривна с фигурками хищников на концах. IV—III вв. до н.э. Одно из украшений в коллекции, наиболее близких ирано-бактрийскому кругу. Золото, бирюза

